

Д. Дандуров

Шота Руставели

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Дандуров**
Шота Руставели / Д. Дандуров – М.: Книга по Требованию, 2024. – 88 с.

ISBN 978-5-458-55680-4

Книга о грузинском поэте XII века Шота Руставели.

ISBN 978-5-458-55680-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

крестьянства, бывшая в положении крепостных, могли иметь холопов, называвшихся «смердинами холопами». Постепенно крепостные теряли это право и сами обращались в рабов. Они стали называться «мона», а «мхевали» исчезло, так же как исчезло в России понятие «смерда», и крестьяне стали называться холопами.

Крестьянская масса была объединена в общины, называвшиеся «сопели». Как и русская община и общины других народов, грузинская община при натуральном хозяйстве делается самодовлеющим организмом, удовлетворяющим сама в себе нужды своих членов. Община делается замкнутым миром, и наименование ее – «сопели» – означает не только собственно общину, но и мир, страну, вселенную.

У Руставели встречается постоянное употребление «сопели», «сопелман» в смысле страны, общества, света. Наряду с этим, в том же почти значении света, вселенной, в его поэме встречается «квекана». Вот наиболее яркий пример: Автандил перед отъездом обращается с молитвой к богу, установившему любовь, и жалуется владыке «квекана» — вселенной, что его разлучил свет, общество – «сопелман» – с его возлюбленной.

Существование двух слов с одним и тем же значением, в одну и ту же эпоху представляет собой интереснейшее явление грузинской жизни. Как было отмечено, общины, возникшие в ущельях, носили наименование «сопели». Но, кроме ущелий, в Грузии было много долин, куда в первое время население не решалось выселиться на постоянную оседлую жизнь, опасаясь нападений кочевников, конница которых непрочь была во время зимних стоянок в степях совершать набеги на Грузию. Поэтому грузины обрабатывали равнины случайно, наездами. Такие поля получили наименование «квекана», от слов «кве» – низовые и «кана» – нива, посев.

С течением времени, когда в Грузии установилась сравнительная безопасность, население стало выселяться из ущелий в долины на постоянное жительство, и здесь стали организовываться общины, получившие наименование «квекана», по названию, которое установилось за пахотными землями равнин. «Квекана» стала существовать наряду с «сопели», и эти два названия сохранились за общиной, существо которой не менялось от того, была ли она расположена в ущелье или в долине. Оба эти наименования имели одно и то же значение – общины, мира, света, вселенной.

С течением времени наименование «сопели» в значении мира, вселенной стало отмирать и осталось в качестве понятия просто деревни. От этой эпохи язык сохранил такое выражение, как «цути-сопели» – краткая жизнь. По мере отмирания «сопели», значение мира, вселенной сохранилось за «квекана», но во времена Руставели «сопели» еще продолжало сохранять свое первоначальное, но уже несколько суженное значение. Руставели обычно обозначает этим словом общество, свет, употребляя для выражения вселенной «квекана». Несколько позднее, при Георгии V, мы видим в его законе точное юридическое определение слова «сопели». Статья 2-я гласит: «Если правителя убьет „квекана“ или одна деревня – „сопели“, или хотя бы один человек»... и т. д. Юридическое соотношение между этими двумя институтами ясно: «квекана» – это волостная, крупная община, «сопели» – только деревня, часть волостной общины.

В эпоху Руставели грузинский феодализм находился в процессе глубочайшей ломки, и это его состояние прекрасно отражено в гениальной поэме. Но прежде, чем выяснить, в чем заключалась эта ломка, необходимо остановиться на тех признаках, которые являются характерными для наличия феодализма вообще и грузинского в частности.

Ничто не характеризует так существа феодализма, как французское выражение, сложившееся уже в X веке: «Нет земли без сеньора („Nulle terre sans seigneur“»)). При феодализме вся страна разделена между сеньорами-землевладельцами в качестве феодалов, т. е. земель, на которых лежали определенные повинности. Земель, свободных от таких повинностей (аллодов), было очень мало. Главной повинностью была военная служба. Сеньоры обязаны были служить королю; в свою очередь, сеньорам обязаны были служить их вассалы, получившие от них земли под условием службы. Образовалась целая иерархия землевладения, во главе с князьями светскими и духовными, имевшими обширные земли с

замками и крепостями, разделенные на особые округа, во главе которых стояли бароны, лорды, которые в свою очередь имели мелких вассалов-ленников и рыцарей. Феодальная иерархия держалась на крепостном крестьянстве, объединенном в общины.

Кроме военной повинности, на землевладельцах лежали обязанности отправления суда и некоторые административные функции. Население платило помещикам оброк или несло барщину, а во время войны выставяло ополчение. Все эти основные элементы феодализма можно найти также и в Грузии эпохи Руставели.

Из грузинских источников видно, что различались владения, жалованные царями за службу, и родовые поместья. Было бы, однако, ошибочно думать, что только первые имения, аналогичные западно-европейским бенефициям, и есть феодальные поместья. Их давали под условием верности и службы, но если получивший имение после своей смерти оставлял наследников, которые продолжали так же, как отец, служить королю, они, конечно, не лишались владения. Пожалованное данному лицу феодальное поместье превращалось в наследственное имение данного рода, и по названию всего владения или его укрепленного центра его обладатель с потомками и носил фамилию. Всякое пожалованное имение превращалось в родовое, и между ними не было никакой разницы в смысле несения всех тех повинностей, и в первую очередь военных, которые лежали на владельцах феодальных имений.

Как бы долго ни находилось такое имение во владении данного рода, в случае измены или непослушания, оно отбиралось у него и передавалось новым владельцам.

Для терминологии грузинского феодализма характерны некоторые названия, встречающиеся в сигели Чиабера. Он пишет, например, что в своем Жинванском имении он сделал доклад царице Тамаре и получил разрешение на пожертвование. Видимо, Тамара посетила своего военного министра и главнокомандующего в Жинванском дворце. Чиабер свое имение называет «кунеба», но под это понятие подходят как недвижимое имущество, так и движимое, в то время как «мамули» означает землю, недвижимое. Применяя название «кунеба» к своему имению, земли жертвуемых им крепостных он называет «мамули». Это указывает на пожалованный характер его имения. Сегодня имение – его, а завтра могут отобрать, в то время как крестьянин прикреплен к земле, к его «мамули».

Наряду со светскими феодалами огромную роль играли феодалы духовные. Монастыри были крупнейшими владельцами земель, и организация их управления ничем не отличалась от помещичьих земель. Они имели только ряд преимуществ перед светскими поместьями, пользуясь более льготным податным обложением. Баграт IV, жертвуя в середине XI века Шио-Мгвимскому монастырю деревни, освобождает их от ряда налогов: государственного, эриставского, азнаурского, цихис-тавского, хевис-упальского и др. Точно так же Давид Восстановитель в начале XII века освободил тот же Шио-Мгвимский монастырь от ряда податей. Но в обоих документах ничего не говорится об освобождении от военных повинностей.

Духовные феодалы, как и светские, обязаны были в случае войны выставить войска и даже предводительствовать ими. Одной из ответственных должностей при грузинских царях была должность «чкондидели» – начальника всего государственного письмоводства, обычно предоставлявшаяся епископу Мартвильскому в Мингрелии. На эту должность обычно назначались лица самые близкие к царю. Во время похода «чкондидели» шел впереди армии с крестом, а с началом боя отходил в тыл и брал под свое начальство арьергард.

Духовенство сосредоточивало в своих руках всю письменность, занимаясь переводами и составлением духовной литературы. Естественно, что руководителя ведомства, управлявшего письменными делами государства, царь приглашал из среды духовенства. На это лицо, близкое к царю, возлагалось также предводительствование теми вооруженными силами, которые выставяли монастыри. Монастыри имели своих вассалов, азнауров, которым они отводили определенные земли под условием службы; при объявлении войны монастыри организовывали из своих крестьян войска, во главе которых становились монастырские вассалы и сами епископы. Эти отряды, наряду с отрядами светских феодалов,

поступали под общее командование царя или его амирспассалара.

Азнаури существовали и в духовных имениях – это с бесспорностью видно из сигели царя Баграта IV, освобождавшего деревни, жертвуемые монастырю, от азнаурского налога. Отмена азнаурского и других налогов не означает того, что монастырские крестьяне не платили никаких налогов. С них снимались все общие налоги (кроме военной повинности), и монастырем устанавливался особый монастырский налог, за счет которого, видимо, содержались и азнаури.

Самостоятельные светские и духовные феодалы на протяжении многовековой истории Грузии часто сталкивались с объединительными стремлениями царей из династии Багратидов. Шота Руставели жил как раз в ту эпоху, когда борьба между ними приняла особенно острый характер, дойдя до высокой степени социального напряжения. Именно эта социальная обстановка нашла свое художественное отображение в «Вепхис ткаосани».

Структура государственной власти при феодализме отличается своеобразными особенностями. Центральная власть на местах опирается не на свой, государственный аппарат, а на тех же феодалов.

В истории Грузии существовал своеобразный институт эриставов, не встречавшийся ни в одном феодальном государстве средневековой Европы. Первые упоминания об эриставах находим в грузинских летописях IV века до нашей эры, когда грузинский царь Фарнаваз разделил страну на восемь эриставств. С тех пор эриставы не сходят со страниц грузинских летописей. Конечно, в разные эпохи эриставы имели разное влияние. Первоначально они были введены, видимо, под влиянием иранского административного устройства; монархия Дария была разделена на сатрапии, и эриставства по объему своей власти и значению в государстве во многом, очевидно, походили на свои иранские прототипы.

В период господства арабов, обложивших Грузию данью и управлявших ею через своего представителя, эриставства не потерпели изменений. Арабы сохранили существующее в стране устройство и ограничились только тем, что назначили эриставами преданных им лиц. Когда господство арабов кончилось, как и кратковременное господство сельджуков, начавшая возрождаться страна имела готовый институт эриставов. На них и стали опираться грузинские цари.

Кто же были эриставы? Чиновники ли, назначавшиеся государством из центра, или те же феодальные землевладельцы, которых центральная государственная власть облакала известными функциями как своих представителей? Нет никакого сомнения, что эриставами назначались местные же владельцы, именно те из них, кто заявляли себя сторонниками центральной власти.

Можно подумать, что такие местные феодалы были плохой опорой для центральной власти. Часто, конечно, это было так. Но на этот случай корректив вносился угрозой конфискации. Всякий непослушный феодал мог поплатиться всеми имениями и быть совсем изгнанным из страны. Правда, к этому способу воздействия цари прибегали не очень часто, – это указывает, что феодалы были достаточно сильны и, чтобы расправиться с кем-нибудь из них, надо было заручиться согласием других феодалов и получить от них военную силу. Борьба с феодалами шла успешно в тех случаях, когда цари имели наемную иноземную силу, как это было при Давиде Восстановителе, пригласившем до 50 тысяч кипчаков (половцев), в большинстве, повидимому, конных, к себе на службу.

В период господства в Восточной Грузии арабов, а затем сельджуков, а также нахождения Западной Грузии под сильным влиянием Византии, эриставская власть, по всем данным, сильно дробилась и мельчала. Очевидно, иноземцы предпочитали иметь дело с большим количеством эриставов, чтобы не сосредоточивать власть в руках немногих и не создавать условий, при которых могло бы начаться национальное освобождение под руководством выросшего в своем авторитете эристава.

В приводившейся выше сигели Баграта IV по поводу спора опиразцев с миджнадзорцами перечисляются лица, приглашенные для решения спора; в числе их сигель упоминает «эристав-эриставов» и «эриставов». Позднее только карталинский эристав

считался «эристав-эриставом» и «амирспассаларом», и существование нескольких «эристав-эриставов» при Баграте IV указывает, что при многочисленности эриставов потребовалось учреждение объединяющего их института из эристава над эриставами, которых, видимо, было несколько. Но уже в сиели епископа Василия от 1180 года говорится, что Абуласан является «эристав-эриставом»; следовательно, эта должность с течением времени сильно централизовалась, и носителем ее сделался глава правительства. Число эриставов сильно сократилось, и в эпоху Руставели их, видимо, было в Абхазии и Карталинии восемь, а в Кахетии с Эретией—семь.

Когда после смерти Георгия III Тамара начала борьбу с Верховным собранием, она сместила ряд должностных лиц в центре и на местах, в том числе некоторых эриставов, и назначила взамен их новых, фамилии которых сохранили летописи. Эриставом Сванетии был назначен крупный аристократ Барам Варданисдзе, Рачи – Кахабери Кахаберидзе, Сухуми – Дотагос Шарвашидзе, Одишии (Мингрелии) – Бедиани, Лихо-Имеретии и Карталинии – Рати Сурамели, Эретии – Асат Григолисдзе, Самцхе – Боцо Джакели со званием спассалара.

Все эти лица одновременно являлись крупными местными феодалами. В особенности обращает на себя внимание обширное эриставство, состоящее из Карталинии, Имеретии и области Лихских гор (Сурамский перевал), порученное крупнейшему феодалу Рати Сурамели, фамилия которого всегда занимала должность спассета (маршала). Отсюда вывод, что район, подчиненный эриставу, и самый центр этого района не были неизменными. Вопрос о центральном управлении эриставства зависел от того, кто назначался эриставом и где имел он свое пребывание. При той острой политической борьбе, которая происходила в Грузии в конце XII века, очевидно, нашли целесообразным соединить в одном лице эриставства Имеретии и Карталинии и поручить их такому крупному феодалу как Сурамели, имевшему местопребывание в Сураме. При этом не посчитались с тем, что Карталинское эриставство всегда находилось в особом положении, и эта должность обычно предоставлялась эристав-эриставу и амирспассалару, – им в то время был Абуласан.

Являлись ли эриставы той эпохи совершенно самостоятельными правителями или при них обычно состоял также и представитель правительства, – сказать трудно. Но позднее, в начале XIV века, в уложении Георгия V наряду с эриставом упоминается также и правитель – «гамгебели».

Необходимо остановиться еще на часто встречающемся в «Вепхис ткаосани» упоминании городов – «калаки». Это имеет прямое отношение и к феодализму и к общине, на фоне которых разворачивается действие поэмы Руставели.

В более древние времена, когда Грузии приходилось подвергаться нападениям, главным образом – кочевников, организация обороны сводилась к тому, что население селилось по ущельям, входы в которые защищались крепостями – «цихе». Самые же поселения в ущельях в специальной защите не нуждались.

Так возникла оборона главного грузинского ущелья Арагвского – колыбели Грузии; при входе в него, у впадения Арагвы в Куру, стояла Мцхетская крепость, впоследствии превратившаяся в столицу Грузии.

Такая система обороны была удовлетворительна, пока врагами Грузии являлись кочевники. Но достаточно было появиться врагу с организованной военной силой, как эти ущелья делались легко доступными. Ксенофонт сообщает, что греки за четыре века до нашей эры завоевывали страну, спускаясь с гор в долины. Как видно, они не нападали прямо на крепости, преграждавшие доступ в ущелье, а направляли свои войска в горы и спускались оттуда в ущелья, преодолевая сопротивление слабых и разбросанных отрядов, лишенных возможности оказать сопротивление организованной вооруженной силе.

Когда грузины стали селиться в долинах, крепости строились в стратегически важных пунктах. Наряду с ними возникали экономические центры, которые также нуждались в защите. Такие пункты, обнесенные стенами («згуде»), назывались «калаки» – города.

Если город возникал в месте нахождения крепости или, наоборот, возникала

необходимость превратить разросшийся и приобретший важное значение город в крепость, то строился город-крепость («цихе-калаки»). В самой крепости существовала еще внутренняя крепость «шида-цихе» – цитадель.

Шота Руставели называет словом «калаки» пункты, которые, по всем признакам, являлись населенными центрами. Когда один из героев поэмы, Тариель, решил скрыться, он заперся в принадлежавшем ему «калаки»; другой герой, Автандил, направляясь на поиски Тариеля, прибыл в свой «калаки», где начальником был преданный ему Шермадин. Придон также имел свой «калаки».

Что же означает «калаки» и в каком смысле употребляет это название Руставели? Крепости – «цихе» – имели специальное назначение. Их строило государство и оно же содержало в них гарнизоны. Город – «калаки» – также являлся укрепленным пунктом, но прежде всего, был пунктом скопления населения. «Калаки» – не просто одинокая безлюдная крепость, где стоит только один гарнизон.

Герои поэмы – и Тариел, и Автандил, и Придон – прежде всего феодальные владельцы, у которых имеются «калаки», т. е. защищенные населенные пункты, которые являются центром и опорным пунктом их владений. В укреплении «калаки» заинтересован не только его владелец, но и само население.

Феодал той эпохи – это владелец не только земель, но и населения, которое трудилось на его земле и которым он управлял, творя суд и собирая подати.

Сам феодал жил в центре, наиболее населенном пункте своего владения, в укреплении и защите которого он был заинтересован прежде всего.

Внутри «калаки» у феодала стоял его замок, тоже защищенный, в котором он часто оборонялся от своего же населения; но в защите «калаки» перед лицом врага он выступает вместе со всем населением. «Калаки» возникают в центре больших волостных общин, и в случае нападений под защиту его стен может сбежаться все население, объединенное данной общиной.

Но Шота Руставели словом «калаки» называет не только укрепленные владения феодалов. Каджетское царство, которое управлялось царем и являлось государством, а не феодальным владением, имело центр, который Шота также называет «калаки». Но это город – особого рода. В нем имеется крепость, в которую заключена героиня поэмы Нестан-Дареджан. Это уже центр не феодального владения, а всего государства.

Наиболее яркое отражение получили в «Вепхис ткаосани» чисто феодальные отношения. На первый взгляд может показаться непонятным частое употребление слова «кма», которое встречается в поэме Руставели. Академик Н. Марр составил даже своего рода перечень, в каких значениях употребляется слово «кма». Слуги царя – и простые и близкие, – приближенные, влюбленный кавалер, преданный друг, раб, витязь, вольный рыцарь и т. д. – все они объединяются названием «кма».

Наряду с «кма» Шота употребляет в том же значении название «мона», определенно означающее раба.

Но «кма» и «мона» встречаются не только в среде феодалов. Торговый класс, как это видно при изображении Шотой быта Фатман, тоже имел «кма» и «мона».

Употребление этих названий в самых различных смыслах указывает, что «кма» и «мона» – это не определенная группа лиц и, тем более, не социальная категория, не класс. В то же время это не просто название, совершенно лишенное социального содержания.

То отражение «кма» и «мона», которое встречается в «Вепхис ткаосани», является точной картиной исторической действительности. «Мона» – древнейшее наименование раба, возникшее еще до арабского господства.

Грузинский феодализм неоднократно переживал периоды своего расцвета и упадка в зависимости от тех внешних нашествий, которым подвергалась Грузия.

Арабское господство в Грузии продолжалось несколько веков, и политика арабских эмиров сводилась к раздуванию разногласий между отдельными феодальными владельцами: «Разделяй и властвуй!» Эмиры следили, чтобы какой-нибудь феодальный род не сделался

настолько могущественным, чтобы подчинить себе других феодалов и объединить вокруг себя Грузию.

Когда арабы были разбиты турками, а последние отвлечены на юг походами крестоносцев, Тао-Кларджетским Багратидам удалось объединить Грузию под единой властью. Грузинский феодализм вступил в новую фазу развития.

Единая царская власть Багратидов не посягала, конечно, на основы феодализма. Но с непокорными феодалами, которые предпочитали долгими годами вести борьбу с соседями из-за пограничного клочка земли вместо служения государству, она порой расправлялась круто. Она отбирала у них родовые владения и передавала их новым людям из служилых элементов, создавая себе этим опору на местах.

Объединительная политика Багратидов постоянно сопровождалась восстаниями старых феодальных родов, при которых всегда фигурировало требование, чтобы «уазно» – незнатные – не получали земель и не назначались на государственные должности. Начиная с Давида Восстановителя и вплоть до монгольского нашествия, в этой борьбе протекала вся внутренняя жизнь Грузии.

Но, отнимая у старых феодальных владельцев их имения и раздавая их выдвигавшимся элементам, Багратиды не вмешивались во внутренние отношения самого феодального строя. И новые феодалы продолжали владеть своими имениями на тех же основаниях, что и старые.

Это, однако, не значит, что перемены ограничивались только владельцами. Большие имения раздавались нескольким лицам и дробились. Кроме того, каждый феодал имел своих вассалов и ленников, которые получали от феодала земли за свою службу.

Когда глава феодального владения сменялся, соответствующие перемены происходили и среди вассалов и ленников. Новый владелец не мог чувствовать себя спокойно в имении до тех пор, пока он не сажал всюду близких ему людей.

Багратиды дарили имения новым владельцам, которые не без борьбы устраняли из полученных имений вассалов и ленников старого феодала и сажали своих людей. Таким образом, сама система феодализма в основе своей сохранялась сверху донизу – менялись только лица.

Еще во время арабского господства в Грузии устоялись определенные феодальные отношения, основанные на крепостной зависимости крестьян, которые назывались «мона». Это изменение названия явилось выражением тех процессов, которые протекали среди крестьянства. «Мона» теперь не раб, а крепостной. Феодалы назывались «азнаурами»; наряду с этим сохранилось и старое название знати – «сепе», оставшееся от родового строя; но это было уже название без содержания.

Когда старые отношения стали разрушаться, то и самые понятия стали меняться. На смену «мона» появляется «кма», на смену «азнауров» – «уазно» – незнатные, которые подхватывают и присваивают себе старое наименование родовой знати – «сепе» в противоположность «азнаурам».

В «Вепхис ткаосани» мы уже не увидим «азнауров»: везде, где речь идет о высшем феодальном обществе, употребляются слова «сепе» и «дидебули». Одновременно встречается и новое понятие «тавади», пока означающее только главу или лицо, занимающее высокое положение; впоследствии, в XIV–XV веках, оно делается наименованием княжеского землевладения, вассалы и ленники которого будут называться «азнаурами». Это слово возродится, но уже как наименование дворян, а не высшей знати. У Руставели встречается также «джабуки» – рыцарь, воин; но это название – отмирающее, и на смену ему идет всеобъемлющее «кма».

Понятие «кма», «кмба» зародилось в среде новых служилых владельцев имений. Они создавали новые отношения, начиная с самых низов и кончая верхами. «Мона» отмирает, «кма» нарождается, но социальное содержание, как указано выше, и того и другого – одно и то же.

«Кмба» – это идеология новых владельцев феодальных имений и выражает ту верность и преданность, которая лежит в основе вассалитета и ленной зависимости, являясь

самим существом феодализма. Поэма «Вепхис ткаосани» полна этой идеологии верности, долга и ярко выразила те настроения, которыми жило при Руставели феодальное общество.

С течением времени слова «кма», «кмоба» приобретают все более ясный смысл и определенный характер, сделавшись в XIV веке термином крепостных отношений. «Кма» это уже крепостной, а «батон-кмоба» – крепостное право.

В западно-европейском феодальном обществе одним из существенных элементов рыцарских нравов была возвышенная любовь к женщине. Это было не ухаживание в обычном смысле, а поклонение женщине, и самому ревнивому мужу не могла притти в голову мысль видеть в этом что-либо предосудительное. Оно протекало открыто, при всех, и общество не только не осуждало его, но считало дурным тоном, если рыцарь не имел дамы сердца.

Такую «небесную» любовь воспевали трубадуры. Идеальный образ такого отношения к женщине дал Данте в своей «Божественной Комедии», отобразив любовь свою к Беатриче.

Однако такое отношение к любви и любимой женщине вовсе не исключало иной, земной любви. Рыцарь, на всю жизнь избравший себе даму сердца, преспокойно женился, обзаводился семьей, а при случае не задумывался перед изменой и жене и даме сердца. Данте любил Беатриче, но это не помешало ему завести вполне земной роман на стороне. Когда же Беатриче умерла, он женился, продолжая оставаться верным своей небесной любви.

Было ли такое отношение к женщине чисто индивидуальным переживанием лиц, принадлежавших к рыцарскому сословию, или же оно заключало в себе также и некоторые социальные мотивы, служа выражением общественных настроений, господствовавших в феодальном обществе?

В той восходящей иерархии, которая начиналась с простого рыцаря-ленника и кончалась королем и императором, верность, преданность своему сюзерену были не простой обязанностью, вытекавшей из юридических норм, но долгом, культом, которым сверху донизу было проникнуто, все феодальное общество.

Идеальная «небесная» любовь была элементом, и немаловажным, в строе социальных отношений феодального общества. Эта любовь проистекала из чувства преданности к сюзерену, дополняя его и вырабатывая тот образ рыцаря, на котором покоилась средневековая феодальная система.

Видим ли мы те же чувства и настроения в «Вепхис ткаосани»?

Если рыцарское поклонение женщине является отражением феодальной верности и преданности, то надо думать, что в среде, где наблюдаются такие отношения, как дружба Автандила с Тариелем, должно было расцвести также и то чувство любви, которое служило темой для лучших образцов средневековой поэзии.

И действительно, знакомясь с песней о любви в замечательных вступительных строфах «Вепхис ткаосани», мы видим, что по силе, краткости и выразительности, по своей экспрессии она не уступает тому, что создано на Западе самыми высокими Певцами рыцарской любви.

Правда, в них же содержатся слова также и о другой, земной любви, но и на Западе земная любовь протекала не в возвышенных формах.

Шота Руставели говорит в них о своей любви к Тамаре, и он вознес свое чувство к ней на такую высоту, дал такой яркий образ этой, как он сам говорит, небесной любви, что скрытые от нас веками тайники внутренней жизни Грузии освещаются новым сверкающим заревом. Он показал, что в этом удаленном от Европы уголке земли умели любить не менее возвышенно, чем любили герои, прославленные западными трубадурами.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГРУЗИИ ЭПОХИ РУСТАВЕЛИ

История Грузии складывалась под воздействием своеобразных факторов. Граничившие с Грузией с востока и юга степи Мугани, Караяз, Ширака постоянно привлекали к себе кочевников из Ирана и Турции, пригонявших сюда свои стада на зиму. Грузинские летописи

пестрят сообщениями о «зимних становищах» («замтрис садгури») кочевников в этих степях, а также в долинах верховьев Куры. Государства, в состав которых входили кочевники – Аравия, Иран, Турция – были кровно заинтересованы в том, чтобы эти степи были доступны кочевникам. На этой почве происходили постоянные столкновения между Грузией и этими государствами.

С началом крестовых походов в Европе силы турок, сменивших в Передней Азии арабов, были отвлечены на юг, и Грузия не замедлила очень искусно использовать создавшиеся благоприятные условия. Начиная с эпохи Давида Восстановителя, она планомерно продвигалась на восток и юг, расширив свои пределы до Трапезунда и Хоросана. Феодалная раздробленность, которая отличала Грузию в VII–X веках и которой арабы пользовались для своего господства, стала постепенно сменяться объединительной политикой государственной власти, носителями которой явились цари из династии Багратидов.

Объединение Грузии происходило одновременно с расширением ее территории, и перед государственной властью вставала задача найти группы населения, на которые она могла бы опираться во вновь присоединенных местах. Старая феодальная знать, тесно связанная со своими владениями, была всецело поглощена своими узкими местными интересами. Церковь была той силой, которая могла стать на сторону царской власти, но в высших своих слоях она была тесно связана с родовой феодальной знатью. Эти группы образовали тесно замкнутую касту, в основном выступавшую против объединительной политики государственной власти.

Поэтому грузинские цари, начиная с Давида Восстановителя, стали искать опоры в служилых элементах (мсахури) и, главным образом, среди военных. Давид, женатый на половецкой (кипчакской) княжне, создал довольно внушительную наемную военную силу из половцев и, опираясь на нее, решительно проводил свою обвинительную политику. Он стал выдвигать незнатных людей из служилых, предоставляя им земли и государственные должности.

Постепенно стал вырастать слой, составивший привилегированную группу новой знати, на которую и стала опираться царская власть. При своих неоднократных восстаниях старая феодальная знать и церковь настойчиво выставляли требование, чтобы незнатным «уазно» не предоставлялись государственные должности и привилегии. Новые служилые элементы естественным ходом событий становились во враждебные отношения к старой знати.

Борьба между этими двумя слоями, во время которой царская власть часто склонялась к компромиссам со старой знатью и в особенности с церковью, наполняла собой политическую жизнь Грузии и достигла большой остроты во время царствования Георгия III, вступившего на престол в 1156 году, после того как друг за другом умерли в течение одного года отречшийся от трона отец его Дмитрий и царь Давид. Воцарению Георгия III, видимо, предшествовала большая придворная борьба, главными участниками которой были представители указанных выше слоев старой и новой знати, а также церкви. То обстоятельство, что царь Дмитрий отрекся от трона и ушел в монастырь, показывает, что борьба при дворе сильно обострилась и в нее была втянута и царская семья в лице обоих сыновей Дмитрия – старшего Давида и младшего Георгия. Давид, видимо, был всецело на стороне старинной феодальной знати, а вокруг Георгия группировались представители служилых элементов. Конечно, оба сына оказывали давление на отца, каждый в желательном ему направлении, и, повидимому, сила была все же на стороне Давида и стоящих за ним групп, которым удалось принудить Дмитрия отречься от трона и уступить власть Давиду. Вокруг него сгруппировалась старая знать во главе с Орбелиани, влиятельнейшей феодальной фамилией.

Но Давид скоро умер, возможно, не совсем естественной смертью, не процарствовал и одного года. Он оставил сына Дмитрия (Демну) нескольких месяцев от роду, к которому и перешел трон. До его совершеннолетия регентом должен был состоять Георгий. Это было

большим ударом для старой знати: неожиданная потеря власти после смерти царя Давида должна была внести в ее среду большое замешательство. От Георгия она не ожидала для себя ничего хорошего, и единственно, чего она добивалась от умирающего царя Давида, – завещания, чтобы младенец Демна воспитывался в семье Орбелиани. Старая знать не ошиблась в своих опасениях: Георгий был регентом недолго, и через несколько месяцев провозгласил себя царем, оговорив, впрочем, при вступлении на трон, что, когда Демна достигнет совершеннолетия, он уступит ему престол. Это было в 1156 году.

Во внутренней жизни Грузии царствование Георгия протекало сравнительно мирно. Старая знать и высшие представители церкви выжидали, группируясь вокруг Демны и семьи Орбелиани, воспитывавшей его в определенной преданности их кастовым интересам. Новая знать служила опорой для Георгия III, и чем сильнее был их союз, тем более был он опасен для старой знати и тем сильнее вынуждал ее к осторожности.

Положение Георгия III осложнялось, однако, тем, что у него не было сыновей, и при всех условиях Демна должен был быть его преемником после смерти. Дочь Георгия Тамара, родившаяся в 1156 году, повидимому, не принималась во внимание борющимися группами.

При таких условиях не столько Георгий, сколько группировавшиеся за его спиной представители новой знати, стали задумываться над вопросом, кто бы мог быть приемлемым для них кандидатом на царский трон после Георгия. Все больше привлекал их внимание осетинский царевич Давид Сослан, воспитывавшийся при дворе Георгия III в качестве его приемного сына. После Демны Сослан был единственным представителем мужского поколения Багратидов, поэтому политическое положение страны осложнялось также и династическим вопросом. Если вокруг Демны, последнего представителя грузинской ветви Багратидов, группировалась феодальная знать, то новые служилые элементы видели свою опору в Сослане, тоже последнем представителе Багратидов, но уже осетинской ветви.

Пока Демна подрастал, продолжалось своего рода перемирие. Но было очевидно, что обе стороны откладывали разрешение всех разногласий до его совершеннолетия; столкновение между ними становилось неизбежным.

Действительно, как только Демна в 1176 году достиг совершеннолетия, он пред'явил свои права на трон, – и повод для столкновения двух враждебных сил был готов. Георгий III всячески уклонялся от конфликта; пока речь шла только о троне, дядя и племянник могли легко сговориться. Георгий мог приблизить Демну к управлению государством и официально не отказываться от власти. Ему оставалось жить недолго, и Демна мог пойти на такой компромисс, будучи уверен, что после смерти Георгия III трон перейдет к нему. Однако компромисс не мог примирить враждебные силы, которые стояли друг против друга и упорно готовились к борьбе. Их столкновение ускорило развязку.

Стоявшие за спиной Демны Орбелиани и вся высшая знать считали, что Георгий должен отказаться от трона и уступить власть племяннику. Если бы Георгий даже хотел пойти на это, чтобы не доводить дело до открытого столкновения, он не мог бы сделать этого под давлением тех сил, на которые он до сих пор опирался.

В молодости Георгий был довольно решителен, и его смелый шаг провозглашения себя царем характеризует его человеком, который не терялся в сложных обстоятельствах, умел находить выход из положения и проводить в жизнь свои решения. Но в этом ответственном деле он, видимо, обнаруживал большие колебания, и не столько потому, что вопрос шел о нем лично и об его отказе от царской власти, сколько потому, что он не мог не учитывать, что Демна – последний представитель Багратидов и что, отвергая его права на трон, он идет против интересов старинного царского рода, представителем которого он был.

Но из этих колебаний Георгия III вывела, повидимому, его дочь Тамара, юная головка которой отличалась не только несравненной красотой, но и была полна честолюбивых желаний, которые она сочетала с большим умом, твердым характером и умением подчинять себе окружающих. Легенды о Тамаре говорят, что она с детства мечтала о троне, и в этом направлении ее, видимо, поддерживала мать, а в особенности ее тетка и воспитательница Русудан.

Не будь Демна и Тамара двоюродными братом и сестрой, выход, возможно, был бы найден в их браке. Если бы Демна стал царем, Тамара разделила бы судьбу всех царевен и занималась бы обычными придворными сплетнями, стоя далеко от власти. Это не входило в ее планы, и она, видимо, влияла на своего отца в смысле решительного отказа от каких-либо уступок Демне или компромиссов с ним.

Как бы то ни было, Георгий III после некоторых колебаний отверг требования своего племянника и отказался уступить ему трон. Это неминуемо повлекло к вооруженному восстанию всех сторонников Демны, которое было подавлено Георгием III. Орбелиани, как главные зачинщики, понесли жестокое наказание, сам же Демна был взят в плен и погиб при загадочных обстоятельствах. Восстание Демны безусловно пользовалось поддержкой духовенства; тотчас после его ликвидации Георгий объявил церковь освобожденной от всех налогов и несправедливостей, которые она терпела от государственной власти. Он вынужден был пойти на компромисс с церковью, заставив ее отказаться от поддержки Демны за те уступки, которые она получала от Георгия III.

Гибель Демны должна была произвести огромное впечатление на все тогдашнее общество, да и сам Георгий должен был задуматься над всем происшедшим. Со смертью Демны пресекалась грузинская ветвь Багратидов, игравших с VIII века в Грузии обвинительную роль. Теперь государственная власть снова могла стать объектом борьбы между могущественными феодальными фамилиями.

Единственным Багратидом, который мог быть преемником Георгия III, был Давид Сослан. Он с детства воспитывался при дворе, любил единственную дочь царя Тамару; казалось, разрешение и династического и семейного вопросов могло быть найдено в браке Сослана и Тамары. Те социальные группировки, на которые опирался Георгий III и в силу которых он только-что убедился в борьбе с Орбелиани и старой знатью, не могли не видеть, что выход этот – наиболее приемлемый для них.

Однако после гибели Демны Сослан не только не выдвигается на первое место при дворе, как жених Тамары и единственный наследник грузинского престола, но, наоборот, совершенно сходит со сцены, и вся дальнейшая политическая жизнь некоторое время проходит без его участия. В чем была здесь причина? Об этом мы ниже узнаем от Руставели.

Георгий III, только-что подавивший восстание старой знати, ищет с нею компромисса. Он хочет еще при своей жизни провозгласить царицей свою юную дочь Тамару и идет на ряд уступок тем самым слоям, знаменем для которых был Демна и которые с его смертью не считали, очевидно, свое дело проигранным. Крупной силой в государстве являлась церковь, она непрочь была играть роль посредницы между царем и старой знатью. Пострадать могли только те слои новой служилой знати, которые в Георгии III видели свою опору. Но, повидимому, при компромиссе не были забыты и их интересы.

Не прошло и двух лет после подавления восстания, как Тамара, едва достигшая двадцати трех лет, уже была коронована Георгием III (1179 г.) при поддержке всех слоев населения; отныне на древнем троне Багратидов совместно восседали отец и дочь. Сослан был забыт.

В это самое время на далеком Севере, во Владимире на Клязьме, решалась участь человека, которому суждено было вскоре после смерти Георгия III занять его место рядом с царицей Тамарой в качестве ее мужа и царя Грузии под именем Георгия. Мы имеем в виду князя Юрия, на котором необходимо остановиться несколько подробнее.

Князь Юрий был сыном русского великого князя Андрея Боголюбского, получившего от отца, Юрия Долгорукого, Владимир на Клязьме. Постепенно Андрей объединил под своей властью весь север, а затем и юг. В Киеве он посадил брата своего Глеба. Новгород он отдал своему старшему сыну Юрию.

Когда в 1171 году Глеба убили в Киеве, Андрей собрал огромное по тому времени войско для наказания заговорщиков и поддерживавших их южных князей. Начальствование над войсками было поручено князю Юрию и знаменитому воеводе Жидиловичу.

Поход этот окончился неудачно, так как князья, принимавшие в нем участие, не